

УДК 8; 81-22

**О ПОДХОДАХ К КЛАССИФИКАЦИИ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ
В НЕМЕЦКОМ И НИДЕРЛАНДСКОМ ЯЗЫКАХ**

© 2018 г.

Е.В. Терешко

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

katja.tereshko@yandex.ru

Поступила в редакцию 20.09.2017

Рассматривается классификация немецкого фразеологического материала, предложенная И.И. Чернышевой, её положения сравниваются с положениями нидерландских и отечественных исследователей. Обсуждается вопрос о применимости рассматриваемой классификации к нидерландскому фразеологическому материалу. Выделенные группы фразеологизмов проиллюстрированы примерами из нидерландского языка.

Ключевые слова: фразеология, классификация, нидерландский язык, пословицы и поговорки, устойчивые выражения.

Фразеология – относительно молодая наука, что и определяет ее широкие возможности для исследований. При исследовании фразеологических единиц, помимо прочего, важно четко определить объект исследования и классифицировать материал, что на базе нидерландского языка иногда представляет некоторые трудности.

В статье «Проблема определения фразеологизма в нидерландском языке» [1, с. 140–142] мы уже рассмотрели ряд трудностей, с которыми сталкиваются нидерландские учёные при изучении устойчивых выражений. Главные из этих трудностей, на наш взгляд, обусловлены следующим:

1) терминологический и понятийный аппарат фразеологии в Нидерландах пока проигрывает теории фразеологии, разработанной российскими учёными;

2) в силу специфики нидерландского языка некоторые устойчивые элементы речи выпадают из стройной классификации фразеологизмов, разработанной такими видными отечественными фразеологами, как, например, В.В. Виноградов, В.Н. Телия, В.М. Мокиенко, Д.О. Добровольский и др.

В основном сложности при применении отечественных классификаций к фразеологическому материалу нидерландского языка возникают с включением в фразеологический материал отдельных слов: это противоречит утверждению, что фразеологическая единица должна состоять из двух или более слов. Так, отдельные слова мы можем найти в словаре Стутта [2]: *apenkool* (досл. обезьянья капуста = рассказы, небылицы), *apenliefde* (досл. обезьянья любовь = безумная любовь), *beer* (досл. медведь – тот, кто требует возврата долга), *hanepoten* (досл. куриные лапки – нечитаемый почерк). Как мы ви-

дим, в основном в словари включаются сложные слова с метафорическим переносом значения, но иногда можно встретить и односоставные слова (см. *beer*). В более поздних словарях, например в словаре Тер Лаана [3], в словник также включены отдельные слова: *klikspaan* (= доносчик).

Помимо отдельно стоящих существительных в словари также включаются глаголы, которые часто подпадают под категорию глаголов с отделяемым начальным элементом (в большинстве случаев начальный элемент – это отделяемая приставка), на что ссылаются и нидерландские учёные, в частности Верстратен [4]. В том же словаре Тер Лаана [3] находим пример такого глагола: *nabootsen* (= подражать). Верстратен [4] пишет о том, что существуют сложности с определением статуса отделяемого элемента, непонятно, считать ли отделяемую приставку самостоятельным элементом или все-таки частью слова.

Например, глагол *opstaan* (вставать) рассматривается в нидерландской грамматике как глагол с отделяемой приставкой, т. е. как особый случай полуаффиксального словопроизводства. В немецком языке есть эквивалентный глагол *aufstehen*, который помимо вышеприведенной интерпретации также может рассматриваться «как сложный глагол. Согласно третьей точке зрения, данные глагольные единицы являются сочетаниями слов, фразеологическими единицами. В основу этой концепции положен чисто структурный подход, отождествление глаголов типа *aufstehen* с конструкцией «наречие+глагол» из-за дистантности компонентов в ряде форм» [5, с. 24].

Кроме вышеперечисленных явлений, которые вызывают вопрос с точки зрения фразеологии, в фразеологические словари нидерландско-

го языка также включаются и безэмоциональные термины, которые логичнее было бы отнести к коллокациям, как, например, «een kopje koffie» (чашечка кофе) [4, р. 98]. Буквально это выражение переводится как «чашечка кофе», но, включая это выражение в ряды устойчивых словосочетаний, Верстратен говорит о том, что оно встречается очень часто, а также используется со сдвигом значения, например, в ситуациях, когда этой фразой собеседник приглашается к диалогу. То есть если житель Нидерландов хочет что-либо с кем-то обсудить, то он приглашает его выпить «чашечку кофе». При этом напиток абсолютно не имеет значения, собеседники могут пить и чай, и лимонад. «Чашечка кофе», таким образом, это форма приглашения к разговору, выражение используется не в буквальном своём значении. Не соглашаясь с Верстратен, в данном случае можно говорить о метонимическом переносе: в современном мире разговоры часто сопровождаются «чашечкой кофе». Это обстоятельство, однако, не даёт нам право говорить о фразеологической сущности рассматриваемого выражения.

Неясным для нидерландских фразеологов остаётся вопрос о включении в словарь паремий. Часто граница между пословицами и поговорками и остальными фразеологическими единицами проводится нечётко, и как пословицы и поговорки, так и сложные слова и коллокации включаются в словарные статьи [6].

С такими же сложностями столкнулись в своё время и исследователи немецкого языка. Нидерландский и немецкий языки родственны друг другу как с точки зрения лексики, так и с точки зрения грамматики. Поэтому представляется целесообразным при отсутствии разработанных теоретических основ фразеологии в Нидерландах обратиться к исследователям немецкого языка, среди которых наибольший интерес вызывает монография И.И. Чернышевой «Фразеология современного немецкого языка».

И.И. Чернышева, в частности, объясняет включение единичных лексем в словник следующим: «обычно эти лексические единицы отбираются различными авторами по различным причинам, но преобладающей из них является занимательность, т. е. когда той или другой лексической единице можно дать интересное этимологическое или какое-либо другое объяснение» [5, с. 13].

Объяснение желаний авторов словарей все же включить подобные дериваты от ФЕ представлено в статье Т.В. Пономарёвой [7, с. 121–124]. Автор указывает на тенденцию к субстантивации немецкого языка, т. е. «номинализации стиля» [7, с. 122], что приводит к «сворачива-

нию» ФЕ в сложные слова, образующиеся по различным моделям. Подобное явление «номинативного взрыва» [7, с. 122] также наблюдается и в нидерландском языке, на что указывают, например, такие исследователи, как Г.Е. Бой [8, р. 10–14] и Р. Ван Зоннефелд [9, р. 135]. Таким образом, включение сложных слов в словари фразеологизмов можно объяснить происхождением этих сложных слов от фразеологических единиц. При этом, в случае носителя языка, «такое аккумулирующее слово побуждает реципиента разворачивать информацию на основе фоновых знаний и накопленного языкового опыта, а вот для иностранца такое слово может оказаться головоломкой» [7, с. 122].

Фразеологический взгляд на глаголы с отделяемыми приставками у советских фразеологов сформировался, главным образом, под влиянием работ А.И. Смирницкого. В частности, немецкий глагол *aufstehen* соотносился в некоторых работах с английским глаголом *stand up*, что нивелировало специфику обоих глаголов. Чернышева также не согласна с «фразеологической» трактовкой глаголов с отделяемыми приставками и приводит аргумент И.Б. Пригоникера [5, с. 25], что «состояние английских единиц *stand up*, их место в английской лексике скорее соответствует немецким единицам типа *aufstehen* в XII–XIII в.», что не соответствует современному состоянию этих глаголов и их функционированию в системе языка. С другой стороны, в современных исследованиях глаголов с отделяемыми элементами отмечается, что, например, «в немецких пьесах XVII века глаголы с отделяемыми превербами, произошедшими от наречий и предлогов, могут употребляться в прямом значении, в составе художественных метафор, превращаться в языковые метафоры, *идиоматизироваться*¹» [10, с. 1]. Кроме этого, об идиоматизации глаголов с отделяемым элементом в немецком языке пишет и П.М. Аркадьев [11, с. 63], называя фразеологизацию в качестве одного из факторов, влияющих на качество преверба: «Известно, что морфемы, обычно функционирующие в немецком языке как отделяемые превербы, могут стать неотделяемыми при лексикализации и идиоматизации, т. е. в частном случае при приобретении ими значения, более абстрактного, чем пространственное» [11, с. 63]. В данной работе вслед за Т.В. Пономарёвой мы будем рассматривать такие случаи «идиоматизации» глаголов с отделяемым элементом как частный случай «свёртывания» фразеологизма, что позволяет расценивать это явление как периферийное, но ставит под сомнение включение таких единиц в словари в качестве полных фразеологизмов.

Таблица

Номинативная функция			Номинативно-экспрессивная функция	
Лексические единства=Номинативные фразеологизмы			Номинативно-экспрессивные фразеологизмы	
Устойчивые словосочетания, обладающие семантической цельностью номинации на основе собственных лексических значений компонентов, без какого-либо признака семантического преобразования этих компонентов	Сочетания, возникающие на основе переносного значения одного из компонентов	Глагольные устойчивые сочетания	Семантически преобразованные фразеологизмы со структурой словосочетаний	Семантически преобразованные фразеологизмы со структурой предложений

В своей монографии И.И. Чернышева также четко отделяет фразеологизмы от других словосочетаний. По мнению исследователя, «сцепления с единичной (не серийной и не моделированной) сочетаемостью компонентов, значение которых возникает в результате семантических сдвигов компонентного состава и <которые> выполняют в языке не номинативную, а экспрессивную или номинативно-экспрессивную функцию» [5, с. 29] и являются фразеологизмами в чистом виде. Ранее Чернышева отмечает, что «основным критерием, отличающим фразеологизм от переменного словосочетания и устойчивых словосочетаний других типов, является семантическое преобразование компонентного состава» [5, с. 29].

Благодаря охвату как структурной, так и семантической сущности фразеологических словосочетаний, определения и классификация И.И. Чернышевой не подвергаются той критике, которой подвергается классификация В.В. Виноградова. Однако и Чернышева признается в том, что «проблема отнесения к фразеологии единиц, соотносимых с предикативными сочетаниями слов и предложениями, до настоящего времени остаётся дискуссионной» [5, с. 29].

Несмотря на довольно жесткие критерии выделения фразеологических единиц и вынесение за пределы фразеологии целого ряда разновидностей устойчивых и воспроизводимых сочетаний слов, таких как фразеологические образования (фразеологические сочетания по терминологии В.В. Виноградова), лексические единства, моделированные или типовые образования, назывные сочетания, Чернышева указывает, что такие сочетания, не являющиеся фразеологизмами в чистом виде, «уже потому целесообразно оставить объектом изучения этой науки, что многие из них, в первую очередь, аналитические конструкции, являются постоянным источником возникновения фразеологических единиц» [5, с. 31].

Что касается классификации устойчивых сочетаний, Чернышева (и мы вслед за ней) выделяет две основные принятые научным сообще-

ством классификации: по семантике и по функции в предложении. Кроме того, Чернышева также уделяет внимание структурному составу фразеологизмов. Первая – семантическая классификация – получила широкое распространение после публикации трудов В.В. Виноградова, а также широко представленных критических статей и статей, поддерживающих эту систематизацию. Вторая, а именно функциональная классификация различных словосочетаний, включающая и фразеологические единицы, рассматривается И.И. Чернышевой и схематично может быть изображена следующим образом (см. таблицу).

Эта таблица отражает все возможные устойчивые и воспроизводимые сочетания слов, как включающие семантические сдвиги, так и не обладающие таким свойством. Например, устойчивые словосочетания, входящие в первую графу под заголовком «Номинативные фразеологизмы», не представляют собой словосочетания со сдвигом значения. Такими словосочетаниями являются, например, обозначения званий, названия государственных, политических и международных учреждений, политических партий, сложные термины из различных областей знаний и др. Во вторую графу, напротив, вошли словосочетания, основой которых является перенос значения одного из компонентов, однако такие словосочетания обладают двумя признаками, не позволяющими причислить их к группе «истинных» фразеологизмов, по мнению исследователя:

1) на основе переносного значения слова возникает не единичное его сочетание с другими компонентами, а целая серия устойчивых словосочетаний;

2) такие словосочетания не являются безусловными семантическими единствами, они аналитичны, т. е. слова обладают как связанным, так и самостоятельным значением.

Описывая функциональную классификацию, Чернышева отмечает, что в неё включаются также устойчивые сочетания, имеющие принци-

пиальные отличия от фразеологизмов (несмотря на тот факт, что номинативные словосочетания также выступают в классификации под названием «фразеологизмы»). Чтобы более точно определить объект исследования, она даёт новое определение фразеологическим единицам (ФЕ) и предлагает свою структурно-семантическую классификацию: «Фразеологические единицы <...> представляют собой раздельнооформленные устойчивые соединения слов различных структурных типов с единичной сочетаемостью компонентов, значение которых возникает в процессе семантических сдвигов компонентного состава» [5, с. 29].

По грамматической структуре Чернышева выделяет три типа фразеологических единиц, возникающих в результате взаимодействия структуры, сочетаемости и семантического преобразования компонентного состава:

1. Фразеологические единства,
2. Фразеологические выражения,
3. Фразеологические сочетания.

Подробнее всего семантические особенности ФЕ Чернышева рассматривает на примере фразеологических единств. К этой группе относятся фразеологические единства, характеризующиеся целостностью значения и невыводимостью его посредством анализа компонентов. По сути, эта группа совпадает с первыми двумя группами классификации В.В. Виноградова и вызывает наименьшие сомнения в вопросе включения её в состав фразеологии. При этом, как отмечает Чернышева, в таких выражениях присутствует образность. Из нидерландского языка можно привести следующие примеры: **de benen pakken** – сделать ноги (букв. схватить ноги, в разговорном нидерландском языке глагол «pakken» – хватать часто используется с транспортом: *de bus pakken* («схватить автобус», сесть на автобус), *de fiets pakken* («схватить велосипед», поехать на велосипеде), *de tram pakken* («схватить трамвай», поехать на трамвае) и др. Вероятно, этот глагол в сочетании с ногами (*benen*) может ассоциировать «ноги» с видом транспорта, придавая им, таким образом, существенное ускорение), **zijn wilde haren verliezen** – остепениться (букв. потерять свои дикие волосы, бытует мнение, что в молодые годы человек склонен к экспериментам и ведет, как правило, активный образ жизни, но волосистой покров человека обновляется, так же как изменяются его привычки и пристрастия, поэтому, потеряв свои «дикие волосы» молодости, мы становимся спокойнее и разумнее), **de muis en de olifant** (букв. мышь и слон – такие образы используются для противопоставления чего-то большого чему-то маленькому).

В таких ФЕ когда-то была прозрачная мотивировка, которая со временем под влиянием различных факторов стёрлась, и сейчас мы, в лучшем случае, можем восстановить её посредством этимологического анализа, а в некоторых случаях и он оказывается бессилён. Чаще всего это связано с тем, что в период возникновения фразеологической единицы в обиходе был некий ритуал или обычай, который позже был утрачен. Примером такого фразеологизма, у которого мотивировка стерлась в результате исчезновения обычая, может служить фразеологизм **bij iemand in het krijt staan** – быть у кого-то в долгу (букв. стоять у кого-то в мелу: раньше имена должников записывали на меловой доске, поэтому если ваше имя указывалось на такой доске, принадлежавшей кому-то, то вы, благодаря метонимическому переносу, оказывались у вашего займодателя «в мелу», то есть попросту в списке должников). Иногда мотивировка может стираться, если утрачивается изначальная логика рассуждений. Так произошло, например, с фразеологизмом **haar op de tanden hebben** – не лезть за словом в карман (букв. иметь волосы на зубах: раньше считалось, что чем больше волос на человеке, тем он сильнее, а если они растут даже на зубах, то он должен быть очень сильным, особенно защищаясь устно). Кроме этого, стирание мотивировки фразеологических единиц может происходить также вследствие архаизации лексики, а также входящих в состав фразеологизма жаргонизмов или профессиональной лексики.

Непрозрачность мотивировки не влияет на экспрессивность фразеологической единицы и её функционально-стилистическую принадлежность, отмечает Чернышева [5, с. 40], так как «звуковой состав демотивированных фразеологических единств (идиом) воспринимается носителем речи как определенный словесный комплекс, который имеет традиционно закрепленное значение, экспрессивность и функционально-стилистическую принадлежность» [5, с. 40].

По структуре фразеологические единства, по мнению Чернышевой, чаще всего выступают в виде словосочетаний, среди которых выделяются две специфические группы:

1) парные словосочетания: **met man en muis** – всем миром (букв. и люди и мыши; обычно это выражение используется при крахе чего-то, какого-либо дела, оно восходит к лексике в области морского судоходства: когда корабль терпел крушение, то он шёл под воду со всем и всеми на нём, то есть тонули «и люди, и мыши»), **een klein visje – een zoet visje** (букв. маленькая рыбка – сладкая рыбка: маленькое приобретение без особых затрат лучше, чем большое, но вы-

страданное. Это выражение переключается с русской поговоркой «Лучше синица в руке, чем журавль в небе», нидерландцы, правда, ограничиваются только первой частью, подчёркивая преимущества рыбки-синицы.), **man en paard noemen** (букв. называть мужчину и лошадь, т. е. называть вещи своими именами), **over koetjes en kalfjes praten** (букв. разговаривать о коровках и телятках, т. е. болтать о всякой всячине, о чём-то незначительном, невыдающемся, ведь нидерландцы каждый день наблюдают жизнь телят и коров, это зрелище не является для них чем-то удивительным), **kind noch kraai hebben** (букв. не иметь ни ребенка, ни ворона, т. е. ничего не иметь; вероятно, выбор ворона (kraai) в пару ребенку (kind) обусловлен фонетическим созвучием согласных в этих словах);

2) компаративные фразеологические единицы (устойчивые сравнения в традиционной фразеологии): **zo slim als een vos** (букв. умный, как лис), **zo dood als een pier** (букв. мёртвый, как червяк), **zo doof als een kwartel** (букв. глухой, как перепел), **zo bang als een wezel** (букв. испуганный, как ласка), **zo glad als een aal** (букв. скользкий, как уж), **zo vals als een kat** (букв. хитрый, как кот), **slapen als een os** (букв. спать, как вол), **vechten als een leeuw** (букв. драться, как лев).

Помимо двух названных больших групп словосочетаний, в категорию «фразеологические единства» входят также и другие фразеологизмы, например, **bij het kraaien van de haan** (букв. с криком петуха, т. е. очень рано), **de spin in het web** (букв. паук в паутине, т. е. центральная фигура, главный человек в каком-либо мероприятии), **een heilige koe** (букв. святая корова, т. е. что-то неприкосновенное, бережно охраняемое, будто священное животное, например, корова в Индии), **een lelijk eendje** (букв. гадкий утёнок, т. е. кто-то неприглядно выбивающийся из общей массы), **een luis in de pels** (букв. вошь в шубе, т. е. кто-то, кто мешает и раздражает).

Во вторую группу фразеологических единиц Чернышева выделяет фразеологические выражения: «предикативные сочетания слов и предложения» [5, с. 45]. Основное свойство этих ФЕ – специфическая разновидность семантического преобразования (далее – синтаксические особенности). Кроме того, в качестве особенности данной группы выделяется, помимо семантики, структурная особенность словосочетаний, а именно единичная сочетаемость компонентного состава, то есть невозможность образования фразеологизмов данного типа по модели или образования серий. Во вторую группу классификации Чернышевой входят:

1. Общеупотребительные поговорки. На материале нидерландского языка можно привести следующие примеры:

a. **Al draagt een aap een gouden ring, het is en blijft een lelijk ding.** Буквальное значение этой поговорки: хоть обезьяна и носит золотое кольцо, она остаётся уродливой. Данное предложение является по происхождению крылатым выражением и заимствовано из названия стихотворения нидерландского поэта Якоба Катса. В самом стихотворении раскрывается значение этого выражения: никакие украшения и красивая одежда не сделают из некрасивой обезьяны князя. Сейчас среднестатистический житель Нидерландов не узнает в этой поговорке цитату из Катса, но сама поговорка довольно известна и встречается в повседневном общении.

b. **Als de vos de passie preekt, boer pas op de kippen.** Буквально эта поговорка переводится следующим образом: если лис яро о страстях господних проповедует, крестьянин, следи за курами. В этой поговорке содержится предостережение человеку: не надо слушать лжеца, даже если он разглагольствует о страданиях Иисуса, на уме у него все равно коварный план.

c. **Als de kat van huis is, dansen de muizen op tafel.** В русском языке можно найти аналог данной поговорки: «Кот из дома – мыши в пляс». О значении этого выражения также несложно догадаться: как только некто обладающий силой или властью перестаёт присматривать за подчиненными или детьми или своими жертвами, то они начинают делать что хотят.

d. **De gebraden duiven vliegen niemand in de mond.** Эквивалент этой поговорки в русском языке «Без труда не вытянешь и рыбку из пруда». Буквально нидерландское выражение переводится как «Жареные голуби никому в рот не летят», а означает то же самое: чтобы что-то получить, сначала надо потрудиться, например, поймать и зажарить голубя.

e. **De honden blaffen, karavaan trekt verder.** Буквально это выражение переводится как «Собаки лают, караван идёт». В русском языке эта поговорка также существует, иногда можно встретить её дополненный вариант: «Собаки лают – ветер носит, а караван идёт», и усечённый вариант этой полной поговорки «Собаки лают – ветер носит». Значение у всех этих вариантов одинаковое: не нужно обращать внимание на слухи, сплетни и злословие, нужно просто продолжать делать своё дело.

2. Поговорки типа:

a. **daar ligt de hond begraven** – буквально это можно перевести как «там собака зарыта». В русском языке есть аналогичное выражение, используемое чаще всего в виде восклицания «Вот где собака зарыта!». И в том и в другом случае данная поговорка используется, чтобы обозначить момент осознания сути проблемы

или основного содержания мысли или ситуации, а также причины развития событий.

b. **een vos verliest wel zijn haren maar niet zijn streken** – буквально это выражение переводится «Лис теряет свои волосы, но не свои повадки». Это значит, что некто, обладающий некоторыми качествами, например хитростью и коварством, может меняться внешне, но эти качества остаются с ним, т. е. внутреннее содержание этого человека не меняется, и верить ему нельзя.

c. **als een schaaп over de dam is volgen er meer** – данная поговорка буквально переводится как «Если одна овца перебралась через дамбу – другие последуют её примеру». Часто сделать первый шаг или «проторить дорожку», быть пионером, первопроходцем в каком-либо деле – довольно сложная задача, но если кто-то один уже совершил нечто, найдутся люди, которые последуют его примеру и сделают так же.

d. **daar komt de aap uit de mouw** – буквальный перевод фразы «вот и мартышка из рукава». Обычно эта поговорка используется как восклицание со значением «я понял, что происходит на самом деле».

3. Устойчивые и воспроизводимые междоумения и модальные выражения, как, например:

a. **boter bij de vis** – буквальный перевод «масло к рыбе», данное выражение используется в качестве призыва платить сразу, не откладывая. Прослеживается аналогия: как рыбу нужно, по мнению и обычаю нидерландцев, есть с маслом, так и платить нужно не отходя от кассы.

b. **naar de haaien** – буквально значит «к акулам» и используется как восклицание со значением «эта вещь совсем сломана/непригодна, её можно выбросить».

c. **vooruit met de geit** – данная поговорка дословно переводится «вперёд с козой». Из этого перевода русскоязычному человеку довольно сложно догадаться о её значении, да и для носителя языка мотивировка неясна. Однако значение поговорки известно, это выражение используется в ситуациях, когда вы хотите призвать кого-то к словесному действию: «скажи, что тебя мучает».

В первую и вторую группу фразеологизмов, т. е. в фразеологические единства и фразеологические выражения, могут также входить «крылатые выражения», например, (1.а) из Якоба Катса.

Третью группу фразеологических единиц составляют фразеологические сочетания – «фразеологизмы, возникающие в результате единичного сцепления одного семантически преобразованного компонента» [5, с. 46]. В подобных словосочетаниях компоненты обладают самостоятельным значением, то есть сохраняют

свое собственное значение. Кроме того, такие словосочетания, как правило, обладают высокой степенью аналитичности, т. е. их значение частично или полностью может быть выведено из значений компонентов. В эту категорию входят, например, термины, а также словосочетания, в которых один компонент (часто прилагательное) обладает переносным значением: нид. **blinde muur** (букв. слепая стена, т. е. стена без окон), **blinde steeg** (букв. слепой переулок, т. е. тупик) и др.

Остается отметить, что помимо упомянутых групп ФЕ, которые могут быть классифицированы согласно Чернышевой, стоит обратить внимание на выражения типа «**een beer van een vent**» (не парень, а медведь), «**een aap van een jongen**» (не мальчик, а мартышка), «**een kwal van een vent**» (не парень, а медуза – в значении «прилипала», надоедливый человек). Чернышева не включает подобные словосочетания в свою классификацию, а рассматривает их как устойчивые словосочетания нефразеологического типа, относя их к моделированным (типovým) образованиям [5, с. 64]. Однако в заключение описания своей классификации исследовательница все же относит моделированные словосочетания к периферии фразеологии [5, с. 78]. Таким образом, представляется целесообразным включить компаративные обороты такого типа в область рассмотрения, так как они обладают высокой степенью образности, что ценно в контексте исследования концептов животных.

Теория И.И. Чернышевой, по мнению многих современных германистов, является наиболее полной, она используется, развивается и расширяется ими в различных исследованиях. Как уже было упомянуто выше, Т.В. Пономарёва [7] отвечает на вопрос о включении отдельных слов во фразеологический состав языка, опираясь на постулаты Чернышевой. Е.О. Полчанинова [12] рассматривает вопрос о включении афоризмов и их месте в немецкой фразеологии с опорой на теорию Чернышевой. Предложенная классификация служит отправной точкой для многих диссертационных исследований в области фразеологии.

Таким образом, благодаря структурному сходству двух близкородственных языков (нидерландского и немецкого), нидерландские фразеологизмы хорошо поддаются анализу с опорой на теоретическую базу, разработанную для немецкого языка. Поэтому фразеологизмы с зоокомпонентом в нидерландском языке могут быть классифицированы по модели, предложенной И.И. Чернышевой. В качестве периферии могут быть рассмотрены устойчивые соче-

тания типа «**een beer van een kerel**» (не парень, а медведь), образованные по модели «**een X van een Y**», где X – животное, обладающее тем или иным признаком, по которому проводится сравнение, а Y – объект для проведения сравнения, а также выражения типа «**zo gezond al seen vis**» (здоровый, как рыба), образованные по модели «**zo X als een Y**», где Y – объект сравнения, а X – источник набора некоторых качеств. Так как в подобных конструкциях ярко высвечивается признак животного, они представляют несомненный интерес для исследования концептов животных в нидерландском языке.

Примечание

1. Курсив автора статьи.

Список литературы

1. Терешко Е.В. Проблема определения фразеологизма в нидерландском языке // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2017. № 8 (74). Ч. 1. 2017. С. 140–143.
2. Stoett F.A. Nederlandse spreekwoorden, spreekwijzen, uitdrukkingen en gezegden, 1923–1925 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.dbnl.org/tekst/stoe002nede01_01/ (дата обращения: 04.09.2016).
3. Ter Laan K. Nederlandse spreekwoorden, spreuken en zegswijzen. Amsterdam: ELSEVIER, 1977. 433 p.
4. Verstraeten L. Een cognitief-semantische benadering van vaste verbindingen [Электронный ресурс] // *Forum der Letteren*. Jaargang 1992. Режим доступа: http://www.dbnl.org/tekst/_for004199201_01_for004199201_01_0012.php (дата обращения: 15.01.2017).

15.01.2017).

5. Чернышева И.И. Фразеология современного немецкого языка. М.: Высшая школа, 1970. 200 с.

6. Leufkens St., De Syntaxis van idiomen: Nieuwe data uit Nederlandse dialecten // Лекция на курсах повышения квалификации «Taalunie docentencursus Onderzoek & didactiek», 11 juli 2017.

7. Пономарёва Т.В. Фразеология как словообразовательный ресурс // *Контекст XXI ВЕКА: Сб. ст. в честь 100-летия со дня рождения профессора Н.Н. Амосовой (1911–1966)* / Филол. фак. Санкт-Петерб. гос. ун-та. СПб., 2012. С. 121–124.

8. Booij G.E. Dutch Morphology, A Study of Word Formation in Generative Grammar. Lisse: THE PETER DE RIDDER PRESS, 1977. 181 p.

9. Zonneveld R.V. Syntactic Nominalization: A Study in Dutch X-bar Syntax and Semantics // *Issues in Germanic Syntax* / Ed. W. Abraham, W. Kosmeijer, E.J. Reuland, W. de Gruyter. Berlin, New York, 1991. P. 135–160.

10. Бакуменко О.О., Функционирование глаголов с отделяемыми превербами в немецких пьесах XVII века [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://scholar.google.com.ua/citations?view_op=view_citation&hl=ru&user=ctYTeh4AAAAJ&citation_for_view=ctYTeh4AAAAJ:roLk4NBRz8UC (дата обращения: 17.09.2017).

11. Аркадьев П.М. Ареальная типология префиксального перфектива (на материале языков Европы и Кавказа). М.: Языки славянской культуры, 2015. 352 с.

12. Полчанинова Е.О. Афоризм во фразеологии и фразеологизм в афористике современного немецкого языка (лингвокультурологический аспект): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2012. 22 с.

ABOUT APPROACHES TOWARDS CLASSIFICATION OF PHRASEOLOGICAL UNITS IN GERMAN AND DUTCH

E.V. Tereshko

This article focuses on classification of phraseological units in German and Dutch and on the possibility to classify Dutch phraseological units following the models of German linguists. We have analysed I.I. Chernyshova's classification and compared it to Dutch and Russian systems. The accepted classification of phraseological units is illustrated with Dutch examples. Each example is explained and some examples are accompanied by Russian equivalents.

Keywords: phraseology, classification, Dutch language, phraseological units, proverbs and sayings, set expressions.

References

1. Tereshko E.V. Problema opredeleniya frazeologizma v niderlandskom yazyke // *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 2017. № 8 (74). Ch. 1. 2017. S. 140–143.
2. Stoett F.A. Nederlandse spreekwoorden, spreekwijzen, uitdrukkingen en gezegden, 1923–1925 [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: http://www.dbnl.org/tekst/stoe002nede01_01/ (data obrashcheniya: 04.09.2016).
3. Ter Laan K. Nederlandse spreekwoorden, spreuken en zegswijzen. Amsterdam: ELSEVIER, 1977. 433 p.
4. Verstraeten L. Een cognitief-semantische benadering van vaste verbindingen [Elektronnyj resurs] // *Forum der Letteren*. Jaargang 1992. Rezhim dostupa: http://www.dbnl.org/tekst/_for004199201_01_for004199201_01_0012.php (data obrashcheniya: 15.01.2017).

5. Chernysheva I.I. Frazeologiya sovremennogo nemeckogo yazyka. M.: Vysshaya shkola, 1970. 200 s.

6. Leufkens St. De Syntaxis van idiomen: Nieuwe data uit Nederlandse dialecten // *Lekciya na kursah povsheniya kvalifikacii «Taalunie docentencursus Onderzoek & didactiek»*, 11 juli 2017.

7. Ponomaryova T.V. Frazeologiya kak slovoobrazovatel'nyj resurs // *Контекст XXI veka: Sb. st. v chest' 100-letiya so dnaya rozhdeniya professora N.N. Amosovoj (1911–1966)* / Filol. fak. Sankt-Peterb. gos. un-ta. SPb., 2012. S. 121–124.

8. Booj G.E. Dutch Morphology, A Study of Word Formation in Generative Grammar. Lisse: THE PETER DE RIDDER PRESS, 1977. 181 p.
9. Zonneveld R.V. Syntactic Nominalization: A Study in Dutch X-bar Syntax and Semantics // Issues in Germanic Syntax / Ed. W. Abraham, W. Kosmeijer, E.J. Reuland, W. de Gruyter. Berlin, New York, 1991. P. 135–160.
10. Bakumenko O.O. Funkcionirovanie glagolov s otdelyaemyimi preverbami v nemeckih p'esah XVII veka [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: https://scholar.google.com.ua/citations?view_op=view_citation&hl=ru&user=ctYTeh4AAAAJ&citation_for_view=ctYTeh4AAAAJ:roLk4NBRz8UC (data obrashcheniya: 17.09.2017).
11. Arkad'ev P.M., Areal'naya tipologiya prefiksального perfekтива (na materiale yazykov Evropy i Kavkaza). M.: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2015. 352 s.
12. Polchaninova E.O. Aforizm vo frazeologii i frazeologizm v aforistike sovremennogo nemeckogo yazyka (lingvokul'turologicheskij aspekt): Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. M., 2012. 22 s.